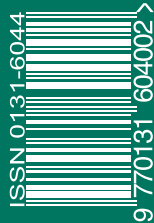

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №1 2022 ГАЗЕТА

Николай Иванов / Реки помнят свои берега

95
1927-2022

ИВАНОВ
Николай Фёдорович

Родился в 1956 году в селе Страчево Брянской области. Закончил Московское суворовское училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Служил в ВДВ, участвовал в более десяти боевых операциях. Награжден орденами и медалями.

Первая публикация в 1982 году. Ныне автор двух десятков книг. В качестве военного журналиста и писателя побывал в Чечне, Цхинвале, Крыму, Сирии, на Донбассе.

В феврале 2018 г. избран Председателем правления Союза писателей России.

Живет в Москве.

95

РОМАН-ГАЗЕТЕ

история журнала, литературы, страны

1927–2022

И. Бродский.
Портрет М. Горького. 1937 г.

В 2022 году нашему журналу исполняется 95 лет.

Первый номер «Роман-газеты» вышел в 1927 году. В его создании принял активное участие Максим Горький, пристально следивший из Италии, где он тогда жил, за молодой советской литературой. Имевший ещё дореволюционный опыт издания дешёвых книг для народа, Горький настоял на том, чтобы «Роман-газета» была государственным проектом. Задачу нового журнала он видел, прежде всего, в приобщении народа к лучшим произведениям отечественной литературы. Вокруг «Роман-газеты» должны были объединиться лучшие писатели. Большой тираж журнала, эффективная система распространения сразу превратили «Роман-газету» в самое популярное в стране, поистине народное издание.

И сегодня наш журнал продолжает эти традиции. За время существования «Роман-газеты» на её страницах были опубликованы произведения многих известных советских и российских писателей.

Журнал был и остаётся трибуной многонациональной российской литературы. «Роман-газета» по-прежнему выходит два раза в месяц (24 номера в год), пользуется популярностью у читателей.

Поздравляем всех, кто любит и читает наш журнал с юбилеем!

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Вильямович Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные
индексы издания:

в объединенном
каталоге
«Пресса России»
38915 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 №1 /1894/ Основана в 1927 г.

Николай Иванов

Реки помнят свои берега

Роман

Боже... Ты допускаешь страдания избранных Твоих, чтобы они, как золото, на огне и через огонь страданий очистились... и еще больше засияли.

Молитва о русском народе епископа Николая (Велимировича). Сербия. 1935 г.

Часть первая БЕЗ ПРАВА НА СЛАВУ

Глава 1

Холод никуда не спешил.

Жертва, оставленная ему на прокорм, прикована к стене. Стена — в пещере. Пещера — в горе. Гора — среди кишашей гадами колумбийской сельвы. Кашею Бес-смертному обзавидоваться, но не найти более надёжного места, чтобы спрятать свою смерть.

И времени — до утра. Много времени — сто звёзд упадут с небес, промелькнув отражением в священном озере Гуатавита, в котором смывал с себя позолоту вождь Эльдорадо¹.

В жертву принесён человек. Роста небольшого, потому что охранникам, которые привели его сюда, пришлось удлинить цепь, оставшуюся после предыдущего узника. Это не сильно облегчило жизнь пленника, но теперь он имел возможность хотя бы слегка касаться ногами пола, а не висеть на цепи.

Почему пленник здесь, холоду знать неинтересно. Люди вообще странные существа. На одном языке говорить не научились, но при этом спорят, кто из них ближе к Богу. Только ведь Всевышний охранной грамоты на главенство никому не выдавал, а потому и подвешивают раз за разом здесь несчастных...

Едва охранники вышли, холод коснулся оголённых рук пленника. Сбитые в кровь, жилистые, они не понравились ни на вкус, ни на запах. Тронул лицо, ощупывая скулы, изучая разрез глаз, трогая жёсткие чёрные усы. Попытался понять, конкистадору² из какой страны оно может принадлежать. Угадывались черты перса, но это наверня-

¹ Обычай чибча-муисков, когда нового правителя этого колумбийского племени натирали смолой и покрывали золотым порошком. На восходе солнца, сверкая в лучах, он плыл на плоту на середину озера и бросался в воду, смывая с себя золото в дар Гуатавита.

² По-испански — завоеватель. Как правило, европеец, которого гнала в Южную Америку жажда наживы, романтика золота. Именно конкистадоры первыми начали искать сказочную страну Эльдорадо, прослышав о ритуале прихода к власти вождя племени чибча-муисков.

ка внешний обман, разгаданный логопедами: чужестранец способен приобрести черты народа, среди которого живёт, потому что звуки и слова на местном диалекте заставляют напрягать определённые группы мышц, которые и формируют облик.

Да и холоду не раз предоставлялась возможность видеть здесь людей, которые в паспорте значились под одним именем, а потом признавались в иных. Следует лишь немного подождать: на каком языке человек молит о пощаде, оттуда и родом.

Пленник попытался размять лицо левой, свободной от наручников рукой. На какое-то мгновение оно покраснело, и холод чуть отступил. Но не из-за страха перед ожогами, а чтобы сосредоточиться: где-то он уже видел такие покрасневшие на морозе лица, где-то встречал на земле этот жест. Где-то на севере, потому что тут, в Колумбии, особой надобности людям учить северные движения нет. К сожалению, темнота, даже не постучавшись, уже вползла в грот, и какие-то детали, позволившие бы раскрыть тайну с ходу, разглядеть не удалось. Да и важно ли, в конце концов, чья кровь начнёт застывать в несчастном теле?

Переждав, холод подступился к жертве вновь. Одежда на ней, хотя и летняя, для жаркого дня предназначенная, всё же мешала завладеть пленником сразу и полностью. Но ведь и ночь только начиналась. И темнота звала, увлекала сиреной в самые дальние закутки. Нет большей гармонии и идиллии на земле, чем союз мрака и холода, при которых люди солнца обречены на погибель. И впрямь, надо лишь чуть подождать, и вкусный плод сам упадёт к твоим ногам.

...Потом холод так и не вспомнил, в какой момент прикрыл в блаженстве и усталости глаза. Но когда спохватился, выход из пещеры для него самого оказался отрезан: проснувшееся солнце босой ножкой-лучиком уже заступало в подземелье. Темнота, всю ночь набивавшаяся в жены, улизнула из пещеры в одиночку, не предупредив о рассвете ни вдохом, ни выдохом. Видать, женщинам если и страшно одиночество, то лишь ночью. При свете они все — неподступные королевы!

Зато никуда не исчез человек. Он висел на цепи без движения, пристроив голову около вздернутого плеча. Можно было ещё раз подступить к сонному, потерявшему бдительность чужаку и пощипать его хотя бы в отместку за ночную неудачу, но временная победа не имеет мудрости. Не все песчинки на дне священного озера Гуатавита успеет осветить и пересчитать солнце, а день опять истлеет. Жертву же, судя по всему, привезли надолго. Так что время позабавиться ею ещё наступит.

У входа в пещеру послышался скрежет гравия. Холод юркнул в первую попавшуюся расселину, и вовремя: вошедший охранник освещал себе путь

жарким факелом. Подвернись такому под руку — бока подпалит, не спросив фамилию.

Пришелец проделал это с человеком, ткнув смердящий огонь под его вздёрнутую руку. Пленник, вмиг проснувшись, отбил факел свободной рукой. Охранник остался недоволен, но играть огнём перестал. О чём-то заговорил. До расселины, где затаился случайный свидетель пыток, донеслось лишь одно разборчивое слово — «советский», и холод, едва не выдав себя, хлопнул по лбу: точно, его ночной соперник — славянин, из России. Как же он сразу не догадался! Именно там при его появлении трут носы и щёки. Там в стодавніе времена его измеряли не в градусах, а в смешных записях «зело» или «не зело холодно». После появления термометра, научив красный ртутный шарик скользить в стеклянной трубке, опять же там требовали от наблюдателей «смотреть накрепко, чтобы в близости оногo инструмента никакая чужая теплота, кроме той, которая по воздуху чинится, не была». Уважали. Ценили его в России. По большому счёту, там его историческая родина.

Но какие ветры занесли человека с края света в самый центр Земли? И стоит ли подтверждать «советскую» догадку надзирателю с факелом? Не получится ли, что вместо благодарности самому ткнут в лицо огнём, требуя подробности?

— Е-гор Бу-е-ра-шин.

Голос факельщика тихий, вкрадчивый. Так сдерживают радость, когда узнают тайну. Она — в имени?

— Е-гор Бу-е-ра-шин, — повторилось с ещё большим ехидством, теперь уже над самым ухом пленника.

Факел рисовал на стенах мало кому понятные разводы. В их дрожащих завитках прятал свои шупальца и холод, с интересом разглядывая при свете жертву. Пленник оказался настолько слаб, что повис на руке, не имея сил распрямить колени и опереться носками о пол. Прозвучавшее имя открыло ему глаза, но веки в тот же миг вновь бессильно опустились, оставив для света лишь тончайшую сеточку из ресниц. Возможно, чтобы увидеть приближающуюся смерть.

Охранник, освобождая ей путь, ушёл, воткнув факел в расселину. Огонь потянулся следом за хозяином, но оторваться от маслянистой, пузырящейся пакли сил не хватило. Оглянувшись на того, с кем предстояло коротать время, и несказанно удивился перемене, вдруг произошедшей с пленником. И колени у того выпрямились, и ноги обрели упругость, и пальцы заработали, сжимаясь в кулаки. Значит, всё происходящее с ним, — обман?

Но едва охранник вновь появился в пещере, русский обмяк, повис на наручниках, уронил голову на грудь.

— Смотри не подохни, падаль, — пригрозил конвоир.

Сказал на своём языке, но понятно и для огня, и для холода, и для несчастной жертвы. Но вместе с пренебрежением к пленнику в голосе послышалась и тревога. Скорее всего, в планы сторожей не входило заполучить подвешенный на наручниках труп.

— Эй, ты жив?

«Жив, — бессловесно откликнулся тот, кого назвали Егором Буерашиным. — Но ты подойди, посмотри».

Умолял не зря: плотную охранники приближались к пленнику, если действовали в паре. Это случилось лишь по вечерам, когда снимали с петли — вывести в туалет и дать лепёшку с чаем. Сейчас день, и надзиратель зашёл один: пленник хирел на глазах и требовалось наблюдать за ним чаще.

Колумбиец приблизился настолько, что почувствовал запах чеснока и перегара. Егор задержал дыхание, и охранник сделал ещё один шаг. В ту же секунду Буерашин выбросил вперёд ноги, обхватил ими шею врага. Тот запоздало попытался отпрыгнуть, но свободной рукой пленник уже ухватил его за волосы. Правая рука обрывалась на цепи, не выдерживая двойную тяжесть, но Егор продолжал тащить к себе отбивающегося тюремщика. И едва позволило расстояние, замкнул ноги на горле у чесночного пьяницы.

Захрипели — один от боли, второй от напряжения. Победителем мог выйти только один, и когда под коленкой Егора мягко хрустнуло, тело охранника мгновенно обмякло.

— Стоять! — зашептал Егор, заваливая мертвеца себе на грудь.

Труднее, чем совладать с колумбийцем, оказалось удержать его на весу, не дать упасть: ключ от наручников лежал в кармане, и теперь предстояла не менее сложная задача — достать его.

— Стоя-ять, — уговаривая и угрожая, шипел Егор в ухо мертвецу.

Тело удержалось, и пленник смог опереться на одну ногу, дал передышку правой руке, по которой текла кровь от содранной кожи. Осторожно заскользил рукой к карману, боясь оплошным движением уронить труп.

Сумел. Дотянулся до вожака схра, мелким воришкой запустил внутрь пальцы. Ухватил щепоткой нить, на которой — он помнил всегда! — висели два блестящих, словно от шифоньера, ключа. На этом силы кончились, и он опустошённо стяхнул с себя тюремщика. Теперь можно, теперь весь мир под ногами, когда в руках ключи от собственной свободы.

Передохнув и прислушавшись, Егор встал на труп. Не церемонился с ним, бьётся за жизнь и он. Дотянулся до наручников, не с первого раза, но попал ключиком в отверстие.

Рука, освобождённая из металлического захвата, упала вниз. От неё, покаленной и прижаренной, помощи ждать не приходилось, и Егор сунул боля-

вую меж оборванных пуговиц рубашки к животу: греться, лечиться.

Ещё пару секунд потратил на то, чтобы однолапо обшарить одежду убитого. Оружия не оказалось, попался лишь складной нож, а в нагрудном кармане куртки — плоская зажигалка да завёрнутый в фольгу кусок недоеденной шоколадки.

— Спасибо, — порадовался находкам Егор. Пленнику вредно мечтать о будущем: чтобы оно существовало, необходимо подчиняться только настоящему.

А оно звало к выходу.

Факел, остающийся в пещере в одиночестве, за метался от страха, потянулся за сокамерником — возьми с собой. Не возьмёт. От выхода сеялось зыбкое свечение наступающего дня, и это шло бывшему заключённому на руку: ночью в сельве делать нечего, к темноте нужно готовиться, чтобы проснуться утром живым, а не ублажать брюхо койота или крокодила.

Густеющий с каждым шагом свет манил, но Егор, как мог, сдерживал порыв. Свободы ещё нет, она лишь приподняла вуаль со своего прекрасного личика. Существует ли внешняя охрана пещеры? С какой целью его прячут в сельве? От кого? Сколько времени прошло после ареста?¹

Недалеко от входа послышались голоса, но охрана, на счастье, занималась утренней приборкой лагеря и пропавшего сотоварища могла хватиться не сразу. Но как узнали его имя? Кто из группы не выдержал?²

Егор осторожно осмотрел местность. Перед гротом лежала небольшая, свернувшаяся преданной собачкой, поляна. Справа — сборно-щитовой домик. Дверь распахнута, словно приглашает в гости. Спасибо, когда-нибудь в следующий раз. И желательно не в этой жизни. А вот налево должна уходить тропинка к туалету — это Егор помнил по ночным выводам. Где-то внизу протекает ручей — водили мыться. Туда по склону и легче бежать, но разведчик юркнул за пещеру. В густую, даже на вид непроходимую, влажную лесную гущу.

Глава 2

У старого с малым отношения — клятву пионера читать не надо, всё рядком и чередком.

¹ Разведчикам, находящимся в тюрьмах иностранных государств, день засчитывается за шесть.

² Группу Е. Буерашина вскрыло РУМО — военная разведка США, после того, как советские боевые пловцы, обеспечивая скрытый заход советских субмарин в Карибское море, «заглушили» американские контрольные буи, установленные на морском дне. Более подробно о действиях советских боевых пловцов за пределами страны говорить ещё рано.

— Дедуль, вот сколько живу на свете, столько и удивляюсь!

— Что я опять не то сделал?

— А глянь сам: одна колошина ворует, а другая — караулит.

— Так это я специально брючину закатал, когда ехал на велосипеде, чтобы в цепь не попала.

— А дед Петя штанину прищепкой схватывает.

— Дед Петя живёт с выгодой. Он молодец.

— Ты у меня молодец лучше. Я тебя люблю.

— Я тебя тоже.

Старому с малым всё к сердцу, когда они рядом.

— А можно я поеду в Пустынь на багажнике, а не на раме?

— Можно, если пятки в колесо не станешь совать...

— Что я, совсем без царя в голове? У девочек ноги должны быть красивыми.

Фёдор Максимович Буерашин оторвался от крыта, по старости лет переведённого из помоечных нужд на хранение скобяной мелочи. В задумчивости посмотрел на девятилетнюю внучку, пытающуюся совместить Василису Прекрасную с Василисой Премудрой. Аня сидела на ступеньках крыльца перед ведром с запаренными отрубями, жеманно поглаживая пятнистые от зелёнки и йода колени.

— Красивые, красивые, — не позволила деду ни возразить, ни возмутиться девочка. — А то кто ж меня замуж позовёт.

— Не скажу насчёт замужества, а я точно не возьму, ежели язык будет мести помелом.

— И что мне теперь, немтырём расти? Ой, лихо мне. — Внучка от праведного возмущения хлопнула по только что взлелеянным коленкам.

Получилось больновато, и, скрывая досаду, девочка закатила глаза к небу: прости, Боженька, моего дедушку, что такой непонятливый растёт. Это оттого, что по лесу в одиночку много ходит, леших пугает. Что ему знать о женской доле?

Посчитав, что просьбе хватило времени долететь до неба, достала карамельку: подсластить рот и судьбу.

— Расти как растётся, — разрешил внучке Фёдор Максимович. — Только кур не забудь покормить. И сама конфет меньше ешь, а то твои красивые ножки от сладкого возьмут и отвалятся. Вместе с ручками.

Настал черёд Анечке замереть: угадывала, сколь серьёзна угроза. На всякий случай быстро разгрызла сосалку, подвинула ведро и взялась разминать муку, слипшуюся комочками в горячей воде.

Вернулся к своему корыту и Фёдор, высматривая среди собранных за десятки лет гвоздей, гаек, штырей и болтов, моточков проволоки, подшипников, старых журналов «Наука и жизнь» запропастившееся зубило. Тому, видать, самому надоело царапать бока и нюхать жавую труху, подлезло под руку. И не прогадало: хо-

зяин огладил его ладонями, завернул в тряпицу и положил вместе с молотком в холщовую сумку.

Новое соседство для зубила оказалось благородным. Тут лежали и обёрнутые в газету варёные яйца, и бутылка молока, и соль в спичечном коробке. Густел, настаивался в пакете с укропом запах варёной картошки, хлеба, малосольных огурцов, редиски, лука и помидоров. Сладко будоражили воображение и подтаявшие конфеты, так что новому постояльцу оставалось надеяться на тесноту, при которой можно протереть обёртку и подсластить губы.

Что касалось самого Фёдора, тому прожить день без крошки во рту — занятие привычное. Туесок собирался для той, которая о ногах и замужестве с девяти лет беспокоится.

Аня уже разбрасывала корм по двору:

— Куря, куря, куря.

Зря люди грешат на куриные мозги. Уйти от дома так далеко, чтобы не слышать голос хозяйки, — таких дур в птичьем семействе днём с огнём не найти. Мчатся по первому зову из любых закутков.

— Кыш, чужая, — замахнулась Аня, разглядев в стае подрезанный хвост.

Посторонняя курица редко бежит на чужой зов. За это и петух может настучать клювом по темечку, и хозяйка запустит чем ни попадя, и собака не поленится обгавкать.

Так что короткохвостка заранее знала за собой вину и отскочила от общей трапезы без лишних понуканий. Но поскольку маленькая хозяйка большого страха не внушила, а петух вместе с собакой сам подзагулял на чужих задворках, скатерть-самобранку не покинула. Сновала вокруг, исподтишка ухватывая крохи, отлетавшие от перепачканных клювов соперниц. Так бы и насытилась невзначай, не вмешайся мужской голос:

— Пошла, топчешься тут. Степану квохтать будешь.

Хвосты своему выводку обрезал сосед, чтобы слепо не кормить приبلудных. Но поскольку свой ларь с зерном он открывал раз в день, а в ковшик зачерпывал зерна не более трёх пригоршней, то квочки и шныряли голодные по чужим дворам, позоря хозяина.

— Всё, дедушка, — доложились внучка. Сполоснула руки в чугунке нагретой солнцем водой, делово поинтересовалась: — Дверь запираешь?

— Запирай, а то Тузик куда-то хвостом вильнул.

Но ты вправду сказала деду с бабушкой, что уезжаешь?

— Ой, дедуль, — вздохнула девочка, благоразумно не став больше бить по коленям. — Я же не с бухты-барухты согласилась в такую даль мостылиться. И Васька знает.

— Ну-ну, — покивал Фёдор, не особо доверяя ясному взору внучки: тут старого от малого разделяет целая жизнь. — Брата твоего самого ищи как блоху

на собаке. Так что гляди, девка, сама: ежели хватятся, отлупщуют тебя, а не меня.

— А мы им водицы святой привезём, ещё и похвалят, — успокоила Аня.

— Хитрая ты.

— Не хитрая, а умная. Сам говорил.

— Я много чего говорил. Только ты вот запоминать одну свою выгоду.

— Сердцу не прикажешь, — не к месту, но с полным оправданием себя пояснила Аня. И поставила точку: — А будем и дальше антимионию разводить, вообще никуда не доедем.

Ехать и взаправду — не близкий путь, хоть и на велосипеде. По селу дорога ещё ничего, успели до перестройки уложить асфальт. А вот за околицей как стоял с дореволюционных времён бурьян, так и Советская власть с ним не справилась. И хотя Фёдор пытался какое-то время крутить педали, спина взмокла быстро.

— А ты сиди, — остановил внучку, сам слезая с седла.

Но та, жалея деда, тоже спрыгнула наземь. Сняла сандалии: деревня причает беречь обувь, а не ноги. Даже если они и важны для замужества.

Потащились по солнцепёку пешком.

— Дождичка бы, — помечтала Аня. Он ей и за пять копеек не был нужен, но бабки около магазина по нему вздыхали с весны.

На дождь дед согласился охотно:

— Не помешал бы.

— Господи, помоги, — опять повторила взрослые слова внучка.

Фёдор скосил на неё глаза: рано ещё в Бога удаваться. Когда глаза к небу поднять — жизнь подскажет, а не старухи у магазина.

Поднял гул самолётов. Военный аэродром располагался хоть и рядом, но уже на Украине, так что знатные женихи доставались украинским девочкам. Да и у военных, видать, кризис с горючкой, потому как редко нарушается тишина гулом моторов над Журиничками, не летают орлами, как раньше, по небу хлопцы.

— А мы на кладбище к папке с мамкой зайдём? — не смогла долго находиться наедине с собой Аня.

— К папке с мамкой надо ходить обязательно.

— Я им гостинец несу.

Оттопырила кармашек в сарафане, оглядела оставшиеся конфеты. Удивилась их малому количеству: если делиться с родителями, то выходило по одной. Запустила руку пошарить дыру, но худинки не нашла. Как испарились...

— А почему ты со вторым дедушкой не дружишь? — поспешила перевести разговор.

— Кто тебе отчебучил такую глупость?

— А у меня у самой глаз, что ль, нетути? — не давала провести себя внучка. — И бабушка Маня часто вздыхает, что ты не хочешь с ними знаться.

— Бабушка вечно что-нибудь выдумает.

— Хорошо, если так, — согласилась на обман Аня и замолчала, нащупывая сквозь кармашек конфетки: эти хоть не исчезли?

А Фёдор задумался о своём. Возраст такой, когда внукам — сладкие конфеты, а ему — горькие воспоминания. А их у Фёдора Буерашина — целая жизнь, почти от Гражданской войны.

Хотя на судьбу грех обижаться, перепадали и счастливые времена за семьдесят пять годков. Да вот крылья у ангела, что прикрывал доселе их род, видать, сильно истончились, а беда как ждала за воротами. Сначала списали по сердцу из лётчиков старшего сына Ивана. словно доказывая врачебную ошибку, боясь оказаться ненужным, сразу же подрядился на ликвидацию аварии на Чернобыле. Да ещё с женой. Успокаивал земным: за день работы в заражённой зоне — месячный оклад. Зато дом обустраивают.

Да только когда это дармовая копейка счастье приносила? Свой угол с Марией не успели поставить, здоровье долго не продержалось. Купили имеющийся колхозный. Да пожил в нём совсем ничего, и всё больше в радиационных муках. Чернобыль закрыли в саркофаг, а Ивана с женой — в домовины...

Сердце ещё не перестало разрываться за детей, а на погост вслед за ними отправилась жена. Думал, после всех напастей от пушинки повалится, но и случившегося кому-то показалось мало — пропал младший сын Егор. Считай, с Нового года ни слуху ни духу. Был бы пьяница или коммерсант, волнений меньше: память отшибло или дела закрутили. Но тут расклад иной, офицерский. Военком, знамо дело, убеждён в лучшем:

— Раз процент от его зарплаты переводят вам строго по месяцам, то жив. Значит, он так велел финансистам делать.

— Но ведь не случилось, чтобы на Двадцать третье февраля не поздравил.

У военкома и на это свой расчёт:

— По погибшим платят другим макарон и один раз.

Майор вышел в начальники из местных и не чулся земляков. Шепнул военную тайну:

— Скорее всего, на каком-либо задании ваш Егор. Может, и за границей. Вот поглядите, моя будет правда.

При другом случае погордиться можно было бы секретным заданием сына, но ведь неспроста ни с того ни с сего эти почтовые проценты-переводы идут, всё-таки стряслась с Егором какая-то беда. Бог с ним, с Днём Советской армии, но и в День Победы весточки не подал...

А что не нравятся сваты, то сроку той занозе — с самой войны. И не он тому виной. В 41-м, при оккупации, выбор в селе встал одинаково для всех: или в партизаны на еловые шишки, или в полицаи — на

сало. Времени на раздумья не оказалось — власть в районе поменялась за одну ночь. И вышло у них со сватом глядеть друг на друга из разных окопов. И хотя по молодости война случилась, и отсидел за свою белую повязку на рукаве Пётр сполна, знаться с ним Фёдор более не желал категорически.

Сюрприз поджидал Фёдора через несколько лет, когда подросли дети и пожелал его Иван взять в жены дочку Петра и Мани. Уж как просил не связываться! Грешным делом даже на городских девок кивал, приезжавших летом на молоко и чистый воздух. Сын лишь усмехался, подтверждая свою взрослость:

— Такой же чернозём, только издалека привезён.

— Но она ж дочь полиция! А потом полицейские внуки пойдут!

— Внуки будут партизанские.

— Ох, Ванька, дуришь.

— Не, батя, не дую. Люблю, — бесхитростно улыбался Иван. — И жить нам с ней до гроба.

Пророчество нестрашное, если проговорено шуткой. Только вот с Чернобылем слишком быстро всё исполнилось наяву..

Вообще-то плохо старикам в дальней дороге, слишком много дум за порогом ждёт. А за спиной к тому же топают маленькими ножками новые большие проблемы. Переводы от Егорки и держат на плаву..

— Анютка!

— Аюшки?

— Ты там жива?

— Иду. Я прыткая.

— Не хвастайся. Жди, когда другие похвалят.

— От других дождёшься.

— Ох, не того боишься, девка. Люди страсть как любят косточки друг у друга перемывать.

— Тут правда твоя, дедуль. Зойка Алалыхина надысь такое отчебучила — слыхом не слыхивала о себе подобного. — Аня вздохнула своей горемычной судьбе. — Сама как роза из навоза, а туда же... Да что тут говорить, сам небось натерпелся за жизнь.

— Натерпелся.

Помолчали, припоминая каждый свои обиды от злых языков. Но поскольку обиды той вселенской от подруги наверняка было с хвост Степановой курицы, Аня ожила быстро:

— Деда, а может, к мамке с папкой в другой раз зайдём?

— Зачем в другой? Ты же им гостинец несёшь.

Понял уже, что Анюткины карманы пусты, но поблажки не дал: лучше наказать дитё сейчас и самому, чем потом это за тебя делает жизнь. Анюткин язык, правда, для семерых рос, помогает ей крутиться и на горячей сковородке. Да только жизнь состоит не из одних слов.

— Дедушка! — вдруг встревоженно вскрикнула Аня.

Фёдор Матвеевич поднял голову. Возле одного из столбов, замерших вдоль дороги с обвисшими, словно казацкие усы, проводами, увидел людей. По машине узнал Бориса Сергованцева, первого фермера в районе, про которого устали писать даже газеты. Сын бывшего комиссара их партизанского отряда, а затем первого секретаря райкома партии Евсея Сергованцева, на встречу с которым в Пустыни и надеялся Фёдор.

— Дедушка, а что они делают? — вцепилась в рубашку Аня.

Испугалась не зря: Борис с шофёром, придавив к земле мальчика, надевали ему на шею металлический ошейник. Кто-то третий при появлении свидетелей юркнул в машину, и Фёдор, боясь угадать знакомую спину внука Василия, опустил взгляд на валившиеся у обочины кукурузные початки. Крикнул:

— Что ж вы творите, ироды!

На него безбоязненно обернулись. Почувствовав слабость в хватке, мальчик попытался вырваться, однако его ударили по ногам, заставив замереть.

— Езжай, дед, как ехал, — огрызнулся водитель.

Но Борис узнал прохожих, вышел навстречу, поднимая лёгкое пыльное облачко от потревоженной придорожной травы.

— Здоров, Фёдор Максимович. Куда собрался?

— Я-то собрался, а вот вы что творите?

— Не будет шляться по чужой кукурузе. Посидит до вечера — и другим закажет.

— Но на цепь... — не понимал Фёдор.

— Так если на веревку — перегрызёт, — в свою очередь не понял удивления фермер.

— Отпусти, — приказал старик, для острастки застучав передним колесом велосипеда по дороге. — Никто не давал тебе права людей за собак держать.

— Фёдор Максимович, ты мне не указывай, — улыбнулся Борис, не убоившись велосипедного гнева. — Земля моя, дадена государством, и я буду на ней делать всё, что пожелаю.

— Отца постыдись.

Напоминание не пошло на пользу. Борис раздражённо хмыкнул, развернулся идти обратно. Водитель уловил настроение начальника, побежал к машине, завёл мотор. Стараясь не пылить, бережно подал джип к ногам хозяина. Вытолкнул дверцу с нарисованной на ней молнией.

— Ты бы лучше уговорил его поехать в больницу, — попросил Борис лесника, закрывая глаза тёмными очками. Не попросившись, скрылся теперь уже за тонированными стеклами джипа весь. Был человек — и нету. Лишь мальчик остался на цепи. И в машине второй спрятался. Васька или, даст Бог, не он?

Прижал внучку, укрывая от взметнувшейся после машины пыли. Ветра не было, облако повисло надолго, и к столбу пришлось идти едва ли не на ощупь.

Мальчик лет тринадцати отрешённо сидел на земле. Походил на городского, и Фёдор первым делом поинтересовался:

— Ты чей?

Заложник пробормотал что-то неразборчивое и уткнул голову в поднятые колени, стыдясь своего рабского и воровского положения.

— Погоди, Анечка. — Фёдор попробовал оторваться от внучки. Но та вцепилась мертвой хваткой, и только сейчас он заметил, что она дрожит. Положил на землю велосипед, присел перед девочкой. Заложника, постарался как можно спокойнее улыбнуться: — Это дяди так шуткуют. А мы поможем мальчику. Поможем?

Аня закивала, и старик снял с руля сумку. Отыскал в ней кулёк с конфетами:

— Вот, ещё гостинец маме с папой. И сама можешь взять.

Сладости пересилили испуг, и, пока девочка возилась с кульком, Фёдор Максимович выудил молоток и зубило. Для иных целей предназначались, а в дело вступать придётся им раньше срока.

— Дай посмотрю, — подступил к парню.

Тот опустил руки, открывая схваченный болтом ошейник из медной пластины. Фёдор приноровился к цепи, и нескольких ударов по зубилу хватило, чтобы она разъехалась по столбу обрубленным хвостом.

— А ошейник дома ножницами срежешь, — посоветовал мальчику.

Аня сердобольно протянула ему конфету. Забота маленькой девочки совсем отняла у парня силы, и, поняв, что слёз не спрятать, он сквозь прорвавшиеся рыдания проговорил:

— Я приехал в Алёшки... а у бабушки кушать нечего, болеет... Я всегда кукурузу рвал...

— А откуда приехал? — попробовал отвлечь мальчугана Фёдор.

— Из Москвы. А бабушка лежит...

— А что ж вы в Москве не можете доглядеть за властью?

Спросил, прекрасно зная, что не мальчик виноват в балагане, устроенном в столице. Но ведь именно там чёртом из табакерки выпрыгнула суетливая и говорливая, под стать Горбачёву, перестройка. Расшумелась, разлаялась, заставила всех бежать, выпучив глаза. А куда и зачем — так никто и не понял. На кой ляд спешили? Кто гнал из тёплого и обихоженого дома? Выбежали вот на окраину кукурузного поля — голодные, злые, с ошейниками на детях...

— Как звать?

— Витёк.

— Ничего не бойся, Витя. А сейчас иди домой.

Пацан закивал: да-да, домой. Из дома выходить страшно. Пряча нежданные вериги под рубашку, не глянув на валяющуюся под ногами кукурузу, кромкой поля поспешил прочь.

— А зачем дядя это сделал? — никак не могла отойти от потрясения Аня.

— Денег много, — нашёл единственное объяснение Фёдор.

— А те, кому деньги с ветром приходят, ничего не боятся?

— Это как сказать... Ежели верить телевизору, то над нами в партизанах меньше пуль летало, чем сейчас над ними.

— А если у нас денег нет, то мы счастливые? — продолжала постигать высшую экономику Аня.

— Да нет, деньги нужны, раз мир на них живёт. Только надо различать, где ворованные, а где заработанные.

Уточнённая наука оказалась недоступной, и Аня лишь отрешённо кивнула. Дорога пошла под уклон, и снова можно было ехать на велосипеде.

— А можно, я сяду на раму? — нашла внучка мужество признаться в страхе остаться сзади одной, без присмотра.

— Конечно. Мне даже удобнее.

Дальше ехали в молчании. Тут хоть за семьдесят тебе, хоть девять лет — мурашки от увиденного пробежали одинаково. А если ещё и Васька прятался в машине, то совсем худо. Где же Егорка, хоть бы он помог справиться с парнем. Или ему самому помощь требуется?

Глава 3

Ручей то подныривал под поваленные деревья, то протискивался меж скал и волочил себя по камням, чтобы через несколько метров увязнуть в топи, дав отдохнуть своему побитому, изломанному телу. Наглотавшись болотной тухлятины, сам же и вытаскивал себя из вязкой тины, чтобы вновь биться лбом о новые стволы и скалы. Ему бы угомониться, свернуться калачиком в каком-нибудь укромном местечке и стать озерцом на радость себе и природе...

Но манила горный ручей неведомая даль, ждала его у подножия Анд почтенная дама сверхбальзаковского возраста — Магдалена, считающаяся самой большой рекой Колумбии. Ради встречи с ней ручей и готов был настырно выбираться из сельвы на просторы льянос¹.

Ручьям и рекам в сельве другая напасть: как ни прячься в заросли из бамбука, кокосовых и слоновых пальм, под коряги каучуконосов, как ни старайся идти гладью, без шума, но в любом случае к ним приползёт, прискачет, прилетит великое множество всякой твари по паре. И за право припасть губами или клювом к влаге, а значит, за право выжить в сухой сезон на берегах идут жесточайшие схватки.

¹ В Колумбии так называют саванну.

Жить хотел и человек-шатун, спускающийся вместе с водой в долину. Ручей в горах — единственно точный проводник, которому можно безоговорочно верить, потому что течь он может только в долину, только к большей реке, только к океану.

Опасность для человека таилась ещё и в том, что кроме зверья берега рек облюбовали и люди. И если поселения полукочевых племён индейцев беглецов обходили достаточно спокойно, лишь по необходимости лакомясь на их полях бобами, маисом, ячменём, то когда на пути представляли плантации из кустарников коки¹ и опийного мака, он уходил резко в сторону. Наркодельцы, в отличие от пещерных тюремщиков, даже именем интересоваться не станут. Для них проблема свидетеля исчезает только вместе с ним.

Судя по разбитой обуви, перетянутой лианами, шатун шёл по чаще довольно долго. На шее ожерельем висели нанизанные на прут мальки, превращаясь на влажном солнце в тарань — для разнообразия пищи и в запас. Кто знает, сколько ещё той дороги, куда выведет?

Вывела к широкой пойме, на глубоком дне которой, повторяя полукруг берега, теснился к океану город. Над ним колыхалось марево, искажая предметы и скрадывая расстояние. Человек, раздирая в кровь тело, покотился по крутому склону к этому миру, но в какой-то момент сумел остановить себя. Он не смог бы рассказать, какие растения укрывали его от сторонних глаз, какой живностью питался, какой сегодня день и месяц и даже в какой стране он на данный момент находится. Но ведал иное: самое страшное в разведке — это потерять бдительность на последнем шаге. Когда кажется, что всё позади, и начинаешь беспричинно улыбаться, уверовав в удачу. А под ногой — ловушка. Капкан. И всё сначала — плен, пытки...

Человек присел на корточки, огляделся. На слух отыскал увильнувшее в сторону русло реки. Нашёл в его извилинах, зажато камнями теле укромный изгиб. Разделся. Сначала постирал одежду, потом тщательно вымылся сам, используя вместо мочалки песок. Слово товар на прилавок, выложил на ствол слоновой пальмы бороду, постарался поровнее отчекрывать ножом лишнюю длину. Развёл волосы среди тростника.

Знал, учили: не потому он смог оторваться от погони, что преследователи оказались плохими ищейками. Настоящий охотник не гонится за зверем, он перехватывает его близ водопоев, на перевалах, у переходов через реки и ущелья. По отношению к Егору задача у них одна — водворить беглеца на прежнее место. К прежним оковам. Но уже на обе руки. И на ноги тоже. И шею. И каждое утро затягивать на них болты на четверть оборота. Сначала это покажется

незаметным, но со временем именно рассветы превратятся в ожидание очередной ступеньки в сужающийся ад.

Не дождавшись, когда до конца просохнет одежда, облачился в неё и медленно заскользил вниз. Бездомные и нищие в Латинской Америке на каждом шагу, и до темноты следовало просочиться в город, затеряться в его трущобах, чтобы утром проснуться уже жителем пока ещё незнакомого ему города.

Марево над ним тем временем стало рассеиваться, делая более чёткой картинку. Однако путник всё внимание уделял берегам, где его могут ждать охранники.

Долготерпение вознаградилось: около одной из излучин мелькнули две фигуры. Это могли быть рыбаки, путешественники, туристы, обыкновенные горожане — издали рассмотреть их не представлялось возможным. Но звоночек прозвучал, тетива натянулась: на пути в город находятся люди. Разведчик застыл, не сводя глаз с опасного места, и не успели они заслезиться от напряжения, увидел парочку вновь — она возвращалась тем же маршрутом.

«Пост парный, по обе стороны реки, на видимом расстоянии, ночью усиленный, с использованием приборов ночного видения и сторожевых собак», — выдал для себя беглец возможную конфигурацию засады. По крайней мере, он бы организовал патрулирование именно так. А если часовые двигаются по берегам методом «ножниц», навстречу друг другу, то скоро мелькнут опять.

Мелькнули. Угадал. Ура! В смысле, ничего хорошего.

— Ничего хорошего, — прошептал беглец по-русски, и это подтвердило: тюремщики находились на верном пути к его разоблачению.

Взгляд зацепился за песчаную полосу вдоль воды, на которой млея на солнце вальяжный крокодил с раскрытой пастью. Около застывших челюстей скакал на тонюсеньких ножках коричневатый, с бело-чёрной полоской, чибис. Временами он исчезал в пасти бронированного яшура, выхватывая застрявшую меж клыков пищу или присосавшихся пиявок. И если в природе гармония нашлась у тьмы с холодом, то среди зверья нет более прочного союза, чем эта нежданная парочка. Одна — универсальная зубная щетка, другой — склад пищевых продуктов. Уж они нашли бы способ скрытно преодолеть любой пост. Хоть по отдельности, хоть вместе...

«Вместе»...

Путник застыл от нежданного озарения: не вместе, а вместо! И как он мог забыть «Закон крокодила»: не возвращайся по тому пути, по которому пришёл. Как ни универсально и неуязвимо бронированное чудовище с острыми гребёнками по спине, охотники за его шкурой прекрасно знают главный недостаток рептилии: в воду он возвращается только по своему следу...

¹ Из листьев коки добывают кокаин.